

Наданова

xxx

Бранись, ворчи, болван
                  болванов,
Ты не дождешься, друг мой
                  Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей.

Тимковский царствовал —
и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь
слов подобных двух.
Явился Бируков,
за ним вслед Красовский:
Ну право, их умней
покойный был Тимковский!

ЭХ мода

Ваш дед портной, ваш дядя
повар,
А вы, вы модный господин,—
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков
МОДНЫХ
И не варит обеда мне.

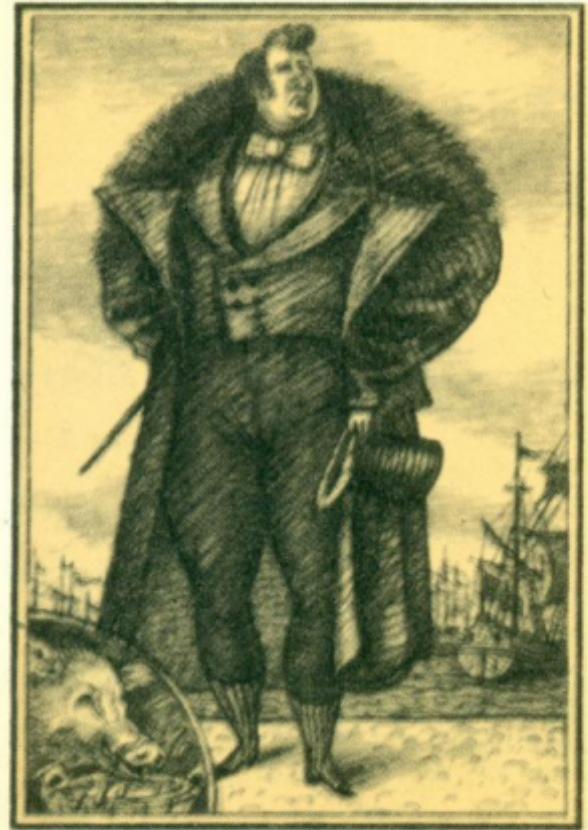
Лизе страшно полюбить.
 Полно, нет ли тут обмана?
 Берегитесь — может быть,
 Это новая Диана
 Притаила нежну страсть —
И стыдливыми глазами
 Ищет робко между вами,
 Кто бы ей помог упасть.

Певец Давид был ростом мал,
 Но повалил же Голиафа,
 Который был и генерал,
 И, побожусь, не ниже графа.

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились
ТОНКИМ...

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной
и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой
склизкой,
Ползком прополз
в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова о Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был
отважен;
Зато был сух, учтив и важен.

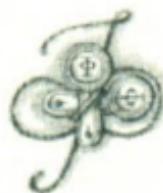
Вот Хвостовой покровитель,
 Вот холопская душа,
 Просвещения губитель,
 Покровитель Бантыша!
 Напирайте, бога ради,
 На него со всех сторон!
 Не попробовать ли сзади?
 Там всего слабее он.

Охотник до журнальной
 драки,
 Сей усыпительный зоил
 Разводит опиум чернил
 Слюнею бешеной собаки.

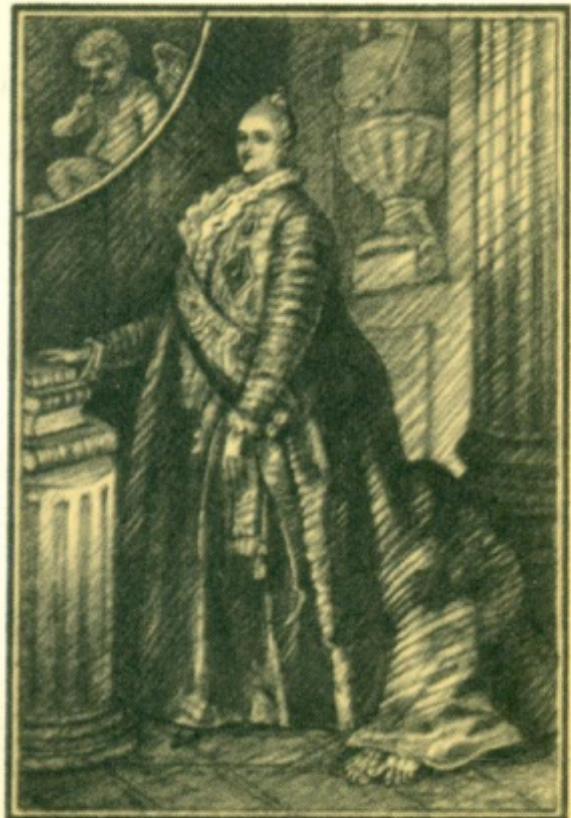
Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

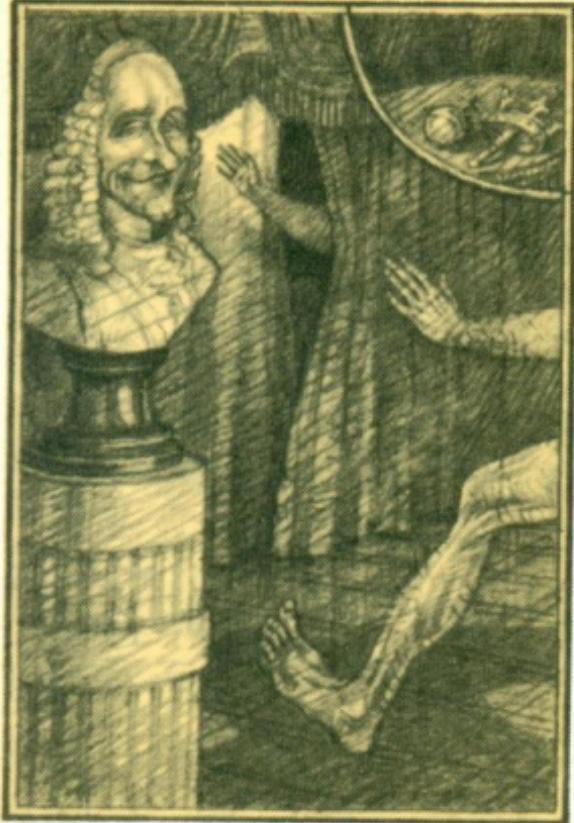
Наш друг *Фита*, Кутейкин
в эполетах,
Бормочет нам растянутый
псалом:
Поэт *Фита*, не становись
Фертом!
Дьячок *Фита*, ты *Ижица*
в поэтах!

Мне жаль великия жены,
 Жены, которая любила
 Все роды славы: дым войны
 И дым парнасского кадила.
 Мы Прагой ей одолжены,
 И просвещеньем,
 и Тавридой,
 И посрамлением Луны,
 И мы прозвать должны
 Ее Минервой, Аонидой.
 В аллеях Сарского Села
 Она с Державиным,
 с Орловым
 Беседы мудрые вела —
 чай пила —
 С Делиньем — иногда
 с Барковым.

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

Принцесса

Враги мои, покамест я
ни слова...
И, кажется, мой быстрый
гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь
любого:
Не избежит пронзительных
когтей,
Как налечу нежданный,
беспощадный.
Так в облаках кружится
ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Г. Одоевской-Чесменской

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

На Фото

Полу-фантазия, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч и крест,
и кнут.
Пошли нам, господи,
греховным,
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

Пристойно ли, скажите,
сгоряча
Ругаться нам над жертвой
палача?
Сам государь такого
доброты
Не захотел улыбкой
наградить:
Льстецы, льстецы!
старайтесь сохранить
И в подлости осанку
благородства.

Сказали раз царю,
что наконец
Мятежный вождь, Риэго,
был удавлен.
«Я очень рад,— сказал
усердный льстец,—
От одного мерзавца мир
избавлен».
Все смолкнули, все потупили
взор,
Всех рассмешил проворный
приговор.
Риэго был пред Фердинандом
грешен,
Согласен я. Но он за то
повешен.

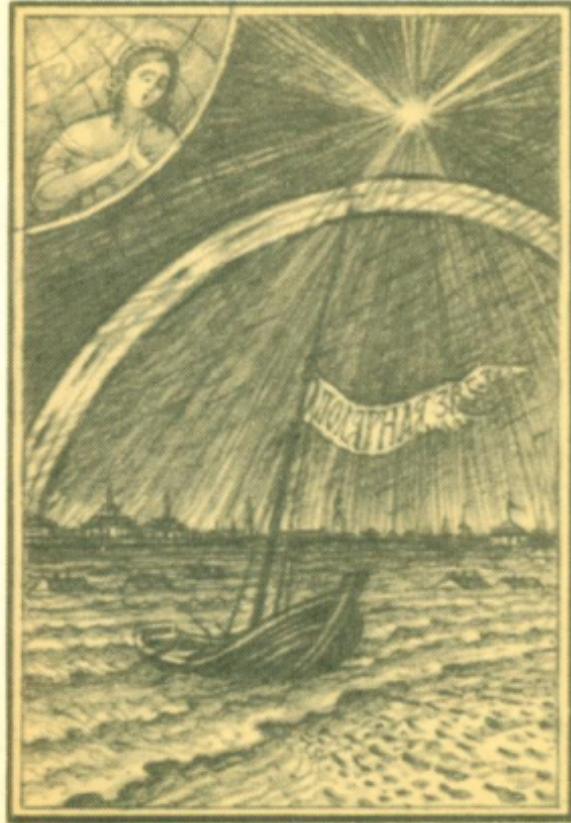

Поверь: когда слепней
и комаров
Вокруг тебя летает
рой
журнальный,
Не рассуждай, не трать
учтивых слов,
Не возражай на писк
и шум
нахальный:
Ни логикой, ни вкусом,
милый друг,
Никак нельзя смирить их
род упрямый.

Сердиться грех —
но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной
эпиграммой.

Напрасно ахнула Европа,
 Не унывайте, не беда!
 От петербургского потопа
 Спаслась «Полярная звезда».
 Бестужев, твой ковчег
 на бреге!
 Парнаса блещут высоты;
 И в благодетельном ковчеге
 Спаслись и люди и скоты.

Прозаик и поэт

О чём, прозаик, ты
хлопочешь?
Давай мне мысль какую
хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

~~ХНЕ ЖНЕ КУРИЛКА!~~

Как! жив еще Курилка
журналист?

— Живехонек! все так же
сух
и скучен,

И груб, и глуп, и завистью
размучен,

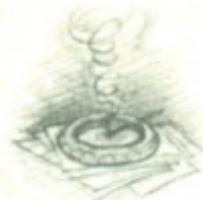
Все тискает в свой
непотребный лист —

И старый вздор, и вздорную
новинку.

— Фу! надоел Курилка
журналист!

Как загасить вонючую
лучинку?

Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет.
— Да... плонуть на него.

И только ждет
Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел
Михайло Каченовский.

В Элизии

Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный
много хвал)
С усердием принялся
за журнал.
В сотрудники сам вызвался
Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой
хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник»
снова хочет;
И, говорят, на днях они
начнут,
Благословясь,
сей преполезный труд,—

Exinde leonem¹

Недавно я стихами как-то
свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них
статьейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее,
злодей.
Но что ж? Ни мне,
ни площадному шуту
Не удалось прикрыть
своих проказ:
Он по когтям узнал меня
в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

---

¹ По когтям льва (узнают)
(лат.).

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.

Слово И кукушка

В лесах, во мраке ночи
праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас,
боже,
От элегических куку!

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был
капитаном:
Под Австрицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой
профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

На траурднико у Хестовы
изданную с портретом Колесарой

xxx

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портreta,
Портрет отводит от стихов.

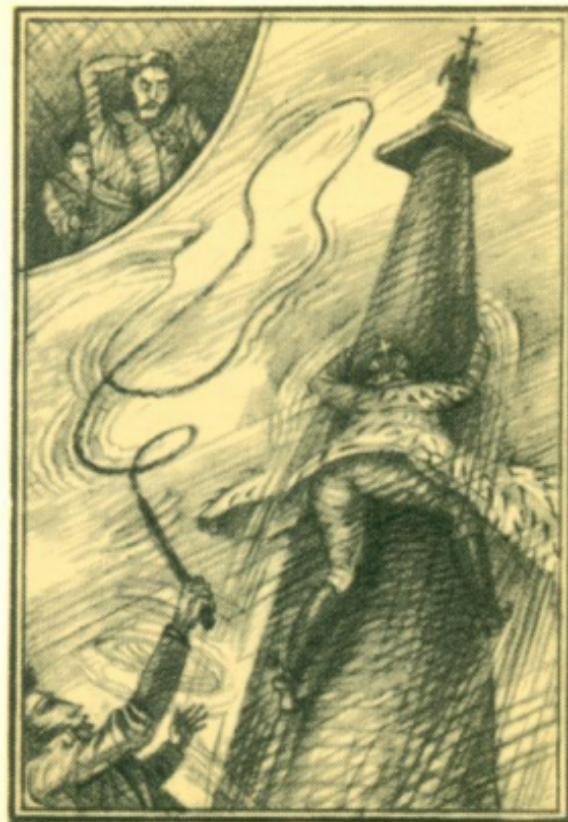
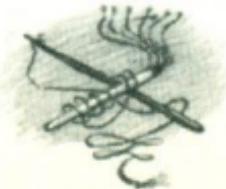
102

Нет ни в чем вам благодати;
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

103

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
Все наши женщины и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду.
Когда ..... позовут
Меня на ..... расправу,
За ваше здравие и славу
Я дам царю мой первый кнут.

*Митрофан
(из антиологии)*

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

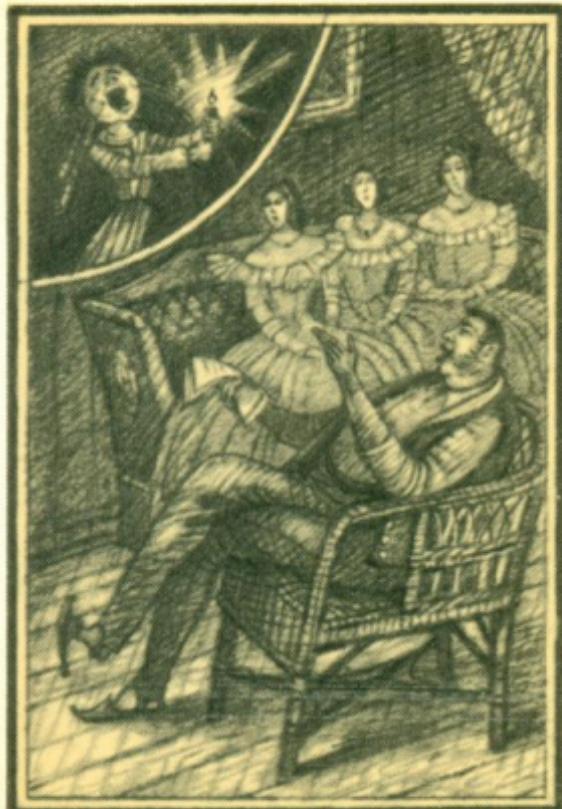
gll

Твои догадки — сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картечный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?

Запись на Шаликова

Князь Шаликов, газетчик
наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки
сальной
Перед певцом со трепетом
держал.

Вдруг мальчик наш
заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример
берите, дуры!» —
Он дочерям в восторге
закричал.—
«Откройся мне, о милый
сын натуры,

Ах! что слезой твоей
осребрило взор?»
А тот ему: «Мне хочется
на двор».

xxx

Пожалуй, Федоров, ко мне
не приходи;
Не усыпляй меня —
иль после не буди.

Лищинский околел—отечеству
беда!
Князь Сергей жив еще—
утешьтесь, господа.

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил
из славы.

Журналы

Журналами обиженный
жестоко,
Зоил Пахом печалился
глубоко;
На цензора вот подал он
донос;
Но цензор прав, нам смех,
зоилу нос.
Иная брань, конечно,
неприличность,
Нельзя писать:
    Такой-то де старик,
Козел в очках, плюгавый
    клеветник,
И зол и подл: все это
будет личность.

Но можете печатать,
например,
Что господин парнасский
старовер
(В своих статьях),
бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно
скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только
литератор.

И блюсту забое Като-Д

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лиц сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

XXX

Поэт-игрок,
о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки
ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б.,
на злодейку,
Поставил бы тетрадь
своих стихов,
Когда б твой стих ходил
хотя в копейку.

Энгра́мма

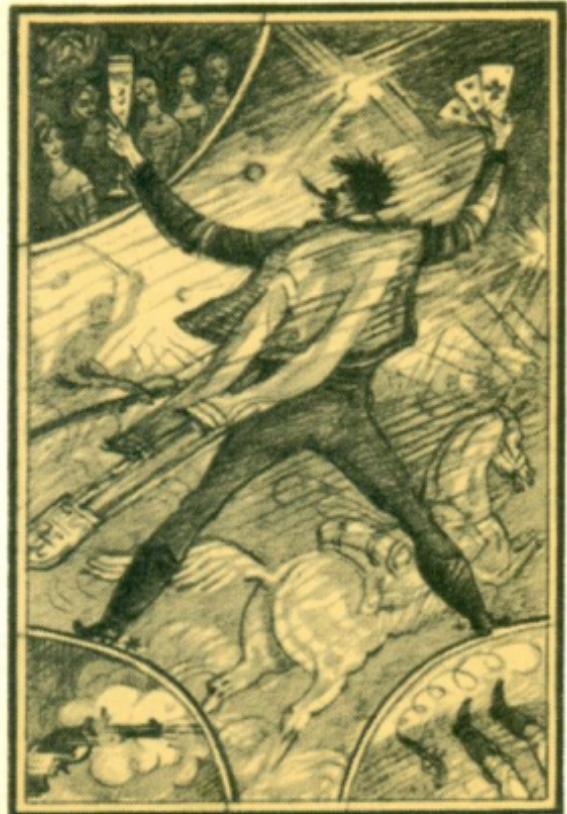
Там, где древний
Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став
спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученье оплеухи
Расписался мой дурак?

Счастлив ты в прелестных
дурах,
В службе, в картах
и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэле,
Ты разрублен на войне,—
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв уже терпенье,
Я эпиграммой отвечал.
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
Журнальный шут, холоп лукавый,
Ругать бы также стал.— О нет!
Пусть он, как бес перед обедней,

Энгра́мма

Является младой его
наследник:
Свистов II вступает
на престол!

Седой Свистов!
ты царствовал
со славой;
Пора, пора! сложи с себя
венец:
Питомец твой младой,
цветущий,
здравый,
Тебя сменит,
великий
наш певец!
Се: внелет мне маститый
собеседник,
Свершается судьбины
произвол,

Энгра́мма

Мальчишка Фебу гимн
поднес.
«Охота есть да мало мозгу.
А сколько лет ему,
вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то?
Эй, розгу!»
За сим принес
семинарист
Тетрадь лакейских
диссертаций,
И Фебу вслух прочел
Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев,
как от дурмана,

Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

*Сапожник
(Примета)*

Картину раз высматривал
сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть,
исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник
продолжал:
«Мне кажется, лицо немного
криво...
А эта грудь не слишком ли
нага?»...
Тут Апеллес прервал
нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше
сапога!»
Есть у меня приятель
на примете:

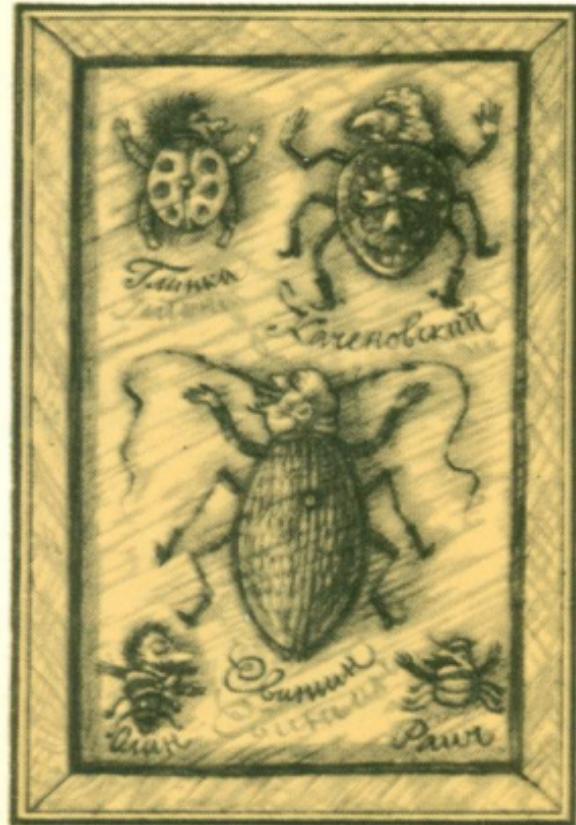
Не ведаю, в каком бы он
предмете
Был знатоком, хоть строг
он на словах,
Но черт его несет судить
о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

Собрание насекомых

Какие крохотны
коровки!
Есть, право, менее
булавочной головки.
Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот Глинка — божия коровка,
Вот Каченовский — злой паук,
Вот и Свиньин — российский
жук,
Вот Олин — черная мурашка,
Вот Раич — мелкая букашка.

Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и
в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

XXX

В журнал совсем
не европейский,
Над коим чахнет
старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

Не то беда, что ты поляк:
 Костюшко лях, Мицкевич лях!
 Пожалуй, будь себе
 татарин,—
 И тут не вижу я стыда;
 Будь жид — и это не беда;
 Беда, что ты Видок Фиглярин.

Эпиграмма

Не то беда, Авдей Флюгарин,
 Что родом ты не русский
 барин,
 Что на Парнасе ты цыган,
 Что в свете ты Видок
 Фиглярин;
 Беда, что скучен твой роман.

К переводу Милорады

Надпись к воротам Екатеринограда

Крив был Гнедич поэт,
преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом
схож и его перевод.

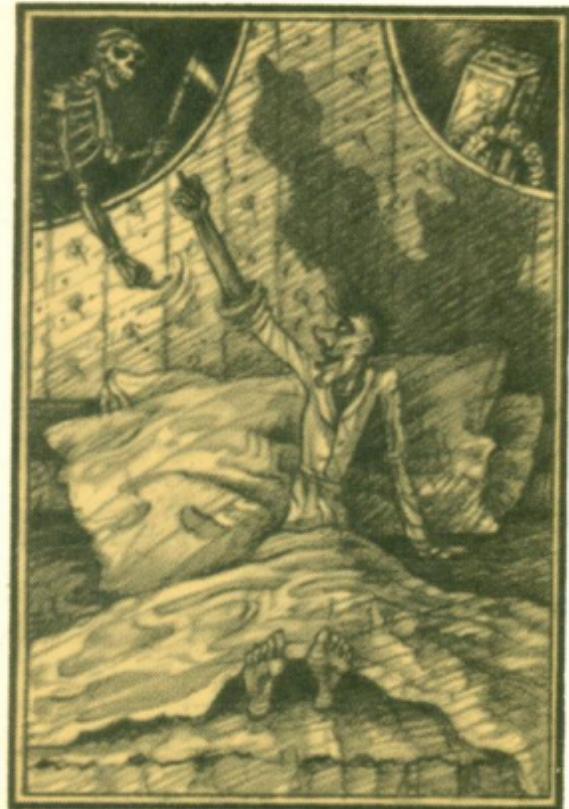
Хвостовым некогда воспетая
дыра!
Провозглашаешь ты природы
русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

*На въездовълении Аккула
Подражаніе лампійскому*

Ты угасал, богач младой!
Ты слышал плач друзей
печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих
хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей,
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы

И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, чтó сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине
падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загреть он
злата горы
В пыли бумажных куч.

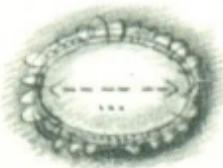
Он мнил: «Теперь уж
у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо,
есть излишек.
Теперь мне честность —
трын-трава!
Жену обсчитывать не буду

И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры
клонит;
А вместе с ним приказчик
гонит
наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

В Академии наук
 Заседает князь Дундук.
 Говорят, не подобает
 Дундуку такая честь;
 Почему ж он заседает?
 Потому что <— — —> есть.

Коль ты к Смирдину войдешь,
 Ничего там не найдешь,
 Ничего ты там не купишь,
 Лишь Сенковского толкнешь
 Иль в Булгарина наступишь.

